Гаркович, Н. В. Канонический аспект «Дела Стефана Зизания» / Н. В. Гаркович // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск БГУ, 2011. — С. 173 – 178

Н. В. Гаркович

КАНОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ «ДЕЛА СТЕФАНА ЗИЗАНИЯ»

Вопрос об участии мирян в жизни православной церкви поднимается практически во всех исследованиях, касающихся истории православных церковных братств XVI — начала XVII в. В данном контексте интересен конфликт между Стефаном Зизанием и киевским митрополитом (1593—1596 гг.) Михаилом Рогозой и в особенности — выяснение мотивации (причин) изменения отношения Стефана Зизания к иерархии от относительной лояльности (в его «Львовский период» — до 1593 г.) до неприятия и непослушания киевскому митрополиту Михаилу Рогозе в 1595 г., а также решению Новогрудского собора 1596 г. Важены тот факт, что все события происходили накануне локальной церковной унии с Римским престолом. «Дело Стефана Зизания» является знаковым для тех обстоятельств, в которых пребывали православные миряне Речи Посполитой, оно в значительной степени отражает принципы взаимоотношения мирян и православной иерархии в Речи Посполитой в конце XVI в.

Основой для изучения конфликта киевского митрополита Михаила Рогозы и Стефана Зизания являются опубликованные документы [1; 17; 22]. Осуждение Стефана Зизания митрополитом уже рассматривалось и достаточно глубоко [13, с. 378; 7; 6, с. 257—261]. В данном же случае будут представлены некоторые подробности канонических аспектов этого вопроса, принимая в расчет правила православной церкви по урегулированию вопросов и проблем устройства внутренней жизни. Ранее исследователи эти обстоятельства не детализировали.

Стефан Зизаний был членом Львовского Успенского ставропигиального братства, талантливым педагогом, оратором, проповедником, православным богословом-апологетом. До 1593 г. он жил во Львове [10, с. 117]. Из-за трений с местным православным епископом Гедеоном Балобаном братство обратилось к константинопольскому патриарху, чтобы «избавитися мучительства Балобанова» [13, с. 290—302; 6, с. 204—225]. Обращение было обусловлено тем, что киевская («литовская») митрополия находилась в юрисдикции константинопольского патриарха, который (вместе с собором епископов) являлся высшей инстанцией церковной власти. В каноническом отношении жизнь митрополии регулировалась теми же правовыми нормами, что Константинопольская церковь [14, с. 235]. «Фундаментом» каждой редакции Кормчих книг являлись 85 так называемых «Апостольских правил»: каноны, принятые на Вселенских и некоторых поместных соборах, правила некоторых святых отцов [2, с. 13—15; 4]. Все канонические нормы последующими решениями лишь уточнялись.

Поскольку проблемы братства с епископом Гедеоном усугубились, патриарх 27 октября 1591 г. юридически передал братство в попечение митрополита Михаила Рогозы [17, № CCVI, с. 319; 15, с. 408]. Однако притесняемое епископом Успенское Львовское братство вновь и вновь обращалось к патриарху. Отметим, что для авторов посланий митрополит и собор выступали (в одном из обращений братства к патриарху, 1592 г.) «заступниками» [1, № 33, с. 42].

Гаркович Наталья Викторовна — аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы Белорусского государственного университета

По мнению М. С. Грушевского, один из подобных документов мог быть составлен Стефаном Зизнием [3, с. 102—105; 15, с. 458, сноска № 5]. Принимая это мнение, при анализе упомянутых документов можно отметить основные принципы отношения авторов посланий к своему епископу. Братство признавало власть епископа Гедеона, митрополита и собора местных епископов, уважало принципы канонического устройства своей Церкви [17, с. 376; 1, с. 45, № 33, II]. Можно предположить, что, как член братства, Стефан Зизаний был солидарен с мыслями, высказанными в посланиях [16, с. 317; 1, с. 104, №73]. Поэтому, логично предполагать, что он продолжал активно участвовать в жизни города и братства и признавал митрополита и львовского епископа в качестве действительных иерархов Церкви. То есть «канонически» был относительно лоялен и послушен священноначалию (чего и требуют каноны церкви) [4, с. 20]. Конфликт Михаила Рогозы и Стефана Зизания произошел после того, когда последний был приглашен в Виленское братство (1593 г.). Его поведение по отношению к священноначалию в этот период в «каноническом» смысле было уже иным, чем поведение членов Львовского братства. Попытаемся выяснить причину этих изменений.

Очень важной представляется хронология событий. После «усиления слухов» о готовящейся унии иерархов Киевской митрополии с Римом и участии в ней митрополита Стефан Зизаний стал его яростно обличать [1, № 73, с. 104 (от 16 июля 1595 г.)], считая главным организатором унии [6, с. 258]. Об этом свидетельствовала хотя бы же соборная грамота (от 12 июня 1595 г.) митрополита Михаила Рогозы и православных епископов папе римскому Клименту VIII о готовности их с паствами своими перейти в подчинение римских пап [1, № 68, с. 94; 16, № 23, с. 118; 1, № 77, с. 108]. Митрополит в свое оправдание сначала отправил в Вильно «посланца», чтобы тот убедил оппонента и местных пресвитеров в том, что речь не идет о переходе под главенство папы римского, а затем 16 июля 1595 г. — послание православному духовенству Виленского Свято-Троицкого братства, в котором, «опровергая молву об отступничестве его к унии, угрожает за разсевание сих слухов строгостию духовнаго суда», «особливе Стефану, дидаскалу школному» [1, № 73, с. 104].

Никто, видимо, не отреагировал на данное «запрещение» распространять известия о намерении иерархов перейти под главенство римского первосвященника. Подобные «разсевания сих слухов» уже были массовыми [17, № CCCLXIX, с. 629—630; 1, № 71, с. 99; 1, № 74, с. 105]. Архидьякон Никифор Кантакузин, действующий экзарх константинопольского патриарха, который с ноября 1592 г. имел право «в одной и вечной певности» судить по всем вопросам «всякий стан» духовный и светский (в том числе и епископов) [17, № CCLVI, с. 398], 17 августа 1595 г. собрал собор епископов в Яссах по поводу «руских» епископов Речи Посполитой. Собор издал постановление [17, № CCCLXXXII, с. 656], которое очень важно для понимания канонических основ конфликта между Стефаном Зизанием и митрополитом. Михаил Рогоза 30 сентября 1595 г. (по старому стилю) направил Стефану Зизанию грамоту, где перечислил преступления оппонента и сообщил о решении судить его церковным собором в Новогрудке. Именно этой грамотой митрополит запретил ему исполнять обязанности «казнодея» (проповедника) [1, № 88, с. 121; 17, № CCCLXXXVII, с. 665]. Отметим, что в историографии существует мнение, что такой запрет был наложен митрополитом уже 16 июля 1595 г. [10, с. 117].

Собор в Новогрудке 25—27 января запретил Стефану Зизанию исполнять обязанности «причетника» и отлучил его от церкви [1, № 91, с. 125]. В ответ тот вместе с братством подал 1 февраля 1596 г. в Новогрудский городовой суд «Протестацию» [1, № 92, с. 127]. На соборе в Бресте 8 октября 1596 г. Стефан Зизаний и братские священники были полностью оправданы, им было разрешено продолжать исполнять свои обязанности [1, № 105, с. 142].

Важное место в вопросе о неподчинении Стефана Зизания священноначалию имеет конфликт в Вильно (1—4 сентября 1595 г.), который касался его самого, священников города, Михаила Рогозы и Сигизмунда III [6, с. 258]. Суть конфликта состояла в том, что виленское духовенство и миряне написали «протестации» в государственные учреждения по поводу

отступления православных иерархов под главенство папы римского (отстаивая право им не подчиняться и прося разрешения на проведение собора для их осуждения). Следствием стал митрополичий запрет для священников города (братские попы митрополитом не упоминались) на ведение службы до того, пока не получит от них личного объяснения своих действий. Грамота с запретом была написана 12 августа 1595 г., но доставлена в Вильно лишь 31 августа. 1 сентября (в пятницу) богослужения не совершались (отметим, по церковному календарю это Новолетие), а в субботу и воскресенье в братской церкви прошло богослужение, и Стефан Зизаний прочел проповедь, призывая виленских священников не слушать запрещения митрополита и священнодействовать [17, № CCCLXXXVII, с. 666; 10, с. 258—259].

В очередной грамоте, запрещавшей Стефану Зизанию проповедовать (от 30 сентября 1595 г.) [1, № 73, с. 104], ему было выдвинуто пять обвинений: 1) недостоин проповедовать, так как не имеет на это «рукоположения» (благословение митрополита на проповедь было дано дидаскалу еще 24 января 1591 г., а кроме того, есть сведения, что к 16 июля 1595 г. Стефан Зизаний был иереем [1, № 27, с. 37; 7, с. 104; 10, с. 117]); 2) попирает «каноны и чины церковные», уча народ «не по первому преданию церкве, своим домыслом» (то есть не подчиняться священноначалию); 3) живет вопреки установлениям Церкви, не подчиняясь тому, что указывает делать ему митрополит (имелось в виду предупреждение последнего братчикам не распространять известия о вероотступничестве его в Унию с Римом от 18 июля 1595 г. (ср.: «еси превознесся... нас пастыров своих всих, и противо им неистовствуешь»); 4) «не достоит ти никого судити и обличати, яко простому, а не духовному»; 5) вмешивается в церковное управление, указывая, кому «священная действовати», этим возмущая королевский город Вильно [4, Всел. 18; 4, с. 59], а за «бунты» в Речи Посполитой положено наказание.

Есть основания предполагать, что Стефан Зизаний мог себе позволить «бунтовать народ» в силу определенных обстоятельств (иначе митрополит совершенно справедливо 30 сентября обвинял Стефана в неканоничном поведении и «возмущениях»). Причиной более чем «своевольного» поведения братского дидаскала могло быть упоминавшееся постановление собора в Яссах от 17 августа 1595 г. Пожалуй, исследователи уделяли этой грамоте незаслуженно мало внимания. Она очень важна не только в «деле Зизания», но и в каноническом контексте заключения Брестской церковной унии. В ней было сказано: отступившие «своего исповедания» епископы, если не покаятся «и еще в отступлении и злобе пребудут сей, празни сут всякаго архиерейскаго действа и чину <...>. Вам же всем повелеваем в духу святом, яко да ни единаго послушания и покорения покажете к ним» [17, № CCCLXXXII, с. 656].

Скорее всего, первым отреагировал на грамоту сам митрополит: уже 1 сентября 1595 г. (в «Monumenta Confraternitatis...» 1-е число стоит в конце документа (по старому стилю), а 11 сентября — в заголовке документа (по новому стилю) [17, № CCCLXXXVIII, с. 667]). В «Протестации» (1 февраля 1596 г.) осужденные в Новогрудке обращаются к митрополиту: «з своими владыками будучи в ереси отщепенства <...> *не исправившися*» [1, № 92, с. 127], возможно, имея в виду именно постановление собора в Яссах, согласно которому если вероотступники не исправятся, то отстраняются от «должностей».

Мотивация Михаила Рогозы понятна: Стефан Зизаний, не имевший священнического сана (либо имевший, но священство его митрополит не признал), не слушает митрополичьих указаний, подчеркивает неправомерность управлять митрополией (ввиду постановления собора в Яссах), кроме того — своими проповедями подстрекает виленских обывателей к бунтам и «протестациям», угрожая общественному порядку [6, с. 257—261; 1, № 60, с. 86; 1, № 75, 76, с. 106; 1, № 77, с. 108; 1, № 78, с. 109 и др.]. Как архиерей, Михаил Рогоза мог у себя в епархии вполне самостоятельно «разобраться» с оппонентом без созыва поместного собора [4, с. 193—194]. С одной стороны, митрополит уже не имел полномочий управлять делами митрополии: согласно постановлению собора в Яссах, иерархи, причастные к намерениям перейти в лоно католической церкви, тем самым лишались своих званий и полномочий. Однако, с

другой стороны, митрополит в своих грамотах отводил от себя подозрения о причастности к этим намерениям, их отрицая (но «причастность» намерений обнаруживается как раз на Новогрудском соборе 25—27 января1595 г. [1, № 105, с. 142]) [1, № 87, с. 119; № 89, с. 122 и др.]. Поэтому сложно судить о правомочности «запрещения» от 30 сентября и его последствиях. Можно предположить, что православное население Речи Посполитой уже знало, что владыки скрывают свою причастность к Унии [17, № CCXCV, с. 680; 17, № CCCXCVI, с. 682—688.]. Если бы это было совсем неизвестно, Стефан Зизаний, возможно, не стал бы так открыто призывать к непослушанию священноначалию и сам ему не подчиняться.

Следующее известное нам каноническое решение, касающееся Стефана Зизания, было принято на соборе в Новогрудке 25—27 января 1596 г. Вселенские соборы вынесли ряд решений, определявших формы церковного суда и его компетенцию [2, с. 88]. Для отлучения простого причетника, как и пресвитера, достаточно было решения своего епископа [4, с. 34, 336; 8, с. 60], а в данном случае им являлся митрополит. На Новогрудском соборе присутствовали три епископа и, как сказано в «Протестации», «много духовных людей и мы сами о нем не ведали, ани жаден с духовных особ з Вилна на том съборе не было» [1, № 91, с. 126—127]. В киевской митрополии уже несколько лет проводились поместные соборы в широком присутствии мирян [12, с. 296], поэтому было более чем странным такое «тайное» совещание епископов. Отметим, что судебные полномочия имели только епископы (собор епископов) [4, с. 259; 9, с. 306] либо экзархи патриарха, состоявшие в любом сане. Однако, отменяя решение данного суда, последующий поместный собор поставил, кроме прочего, в вину Михаилу Рогозе и единомышленникам, что они «*не справившися церкви*» [1, № 105, с. 142].

Согласно каноническим нормам православной церкви, с жалобой и обвинениями на епископа следовало обращаться к собору епископов области. В случае несогласия с вынесенным решением, следовало дожидаться открытия Вселенского или другого большего собора, подвергаясь всем последствиям приговора, или обращаться к третьему, беспристрастному епископу и просить его о созыве нового собора [2, с. 88]. Стефан Зизаний и священники решение от 30 сентября 1595 г. оспаривали и требовали справедливого суда [1, № 92, с. 127], которым мог быть суд перед патриархом либо экзархом патриарха, так как спор возник с главой церковной области (митрополитом). При этом авторы «Протестации» справедливо ссылались на 9-е правило IV Вселенского собора: «...судьи, который мог бы нас с его милостью митрополитом рассудить, не было...» [4, с. 56; 14, с. 632]. Относительно Новогрудского собора известно, что обвиняемые на нем не присутствовали (важным является факт отсутствия Стефана Зизания) [1, № 92, с. 127], причем не по своей вине: «...тобе и пособником твоим будет листом универсалным донесено, тебе яко негодного и противника церкви Божъи и нашого, до того собору не благословляем» [1, № 88, с. 121; 7, с. 105]. Это, безусловно, противоречило каноническим нормам православной церкви [4, с. 28, 152, с. 158, с. 188; 8, с. 156—157].

Реальной причиной «запрещения» и осуждения Стефана Зизания многие исследователи считают его публичные обличения иерархии в вероотступничестве [7, с. 105; 13, с. 381; 16, с. 219]. Вместе с тем ситуация по поводу созыва Новогрудского собора не так однозначна: на нем рассматривался вопрос не о непослушании Стефана Зизания и братских священников своему митрополиту (об этом нет даже упоминания), а о еретических взглядах братчиков. До новогрудского решения не известны обвинения в ереси Стефана Зизания со стороны митрополита (!), в отличие от непослушания. В «запретительной грамоте» от 30 сентября митрополит сообщил о созыве собора «на Зизания и его пособников» по одной причине, а собор осудил их как еретиков. Участники Новогрудского собора пытались доказать, что Стефан Зизаний и виленские братские священники являлись еретиками, а это давало право отлучать от церкви состоящих в любой степени священства и церковнослужителей [6, с. 277], не опасаясь канонического запрета «не отмстиши дважды» [6, с. 302, 318]. Отметим, что церковное наказание мирянам (самое строгое) — отлучение от причастия [8, с. 52—64]. А Стефан Зизаний, церков-

ный чтец и певец, отлучался от таинств сразу, тогда как братским священникам запрещалось только священнодействовать. Сами братчики отрицали обвинения в ереси [1, № 92, с. 128].

Известно, что в 1595 г. был издан так называемый «Катехизис» Стефана Зизания, а также «Kąkol» Ф. Жебровского (полемическое произведение против «Катехизиса»). Повод и цель написания «Катехизиса», по словам Ф. Жебровского, — «народ русской веры отклонить от <...> союза с Римскою церковию» [4, № 8, с. 230; 16, с. 319]. Ересь Стефана Зизания и его единомышленников авторы Новогрудского осуждения усмотрели «в книжце <...>, выданной на Римский костел <...> друку польского» (скорее всего, имеется в виду «Катехизис» Стефана Зизания) [1, № 91, с. 125]. Поэтому становятся понятными истоки «вдохновения» Михаила Рогозы и его единомышленников по обвинению в ереси своего оппонента (чтобы «устранить» его влияние на православных) [4, № 13, с. 361]. Ф. Жебровский же обвинил Стефана Зизания в том, что тот «отрицает заступничество Христа за христиан, это же обвинение было повторено на соборе» [10, с. 118; 4, № 8, с. 230]. Однако «Катехизис» и другие сочинения Стефана Зизания свидетельствуют, что православный книжник не только не выражал сомнений в традиционном христианском учении о святой Троице, но и отстаивал его православное понимание в полемике с антитринитариями [10, с. 119; 5, с. 237, 248].

Все это приводит к мысли, что данное обвинение было надуманным — для осуждения Стефана Зизания, а поэтому «сфабрикованное» решение Новогрудского собора не могло иметь канонической силы. В «Протестации» справедливо говорилось, что митрополит «по гневу, а не по праву <...> нас судит» [1, № 92, с. 128], что, в свою очередь, также было запрещено церковными канонами [4, с. 190, 34, 181]. Факт осуждения Стефана Зизания в Новогрудке за обличения иерархии в «уклонении в католичество», можно сказать, «публично» выявляет позицию митрополита как фактически покинувшего лоно православной церкви [1, № 105, с. 142]. Поэтому после собора 25—27 января 1596 г. можно определенно утверждать, что соборное решение в Яссах от 17 августа 1595 г. уже непосредственно относилось к митрополиту и тех, кто поддерживал его позицию в «деле Зизания». Канонические правила разрешали не подчиняться епископу, если он проповедует ересь публично, что, по сути, и произошло в Новогрудке: мнение, что «может Христова вера под Римскою властию правоверно исповедатися», считалось еретическим [1, № 33, с. 46; 1, № 104, с. 141—142]. Поэтому постановление в Новогрудке явно давало право не подчиняться ни решению «собора», ни «митрополиту». Брестский поместный собор (8 октября 1596 г.), осудивший принявших католичество «руских» епископов Речи Посполитой и их последователей, имел в «канонической участи» Стефана Зизания и братских священников решающее значение: он явился апелляционной инстанцией. На нем «еретики» были полностью оправданы [1, № 105, с. 142]. Непослушание решению Новогрудского собора Брестский собор нашел согласным 15-му правилу Двукратного собора [4, с. 260] и даже похвалил братчиков за него [1, № 105, с. 142].

Таким образом, причиной непослушания «запрещению» митрополитом проповедовать было постановление собора в Яссах и активная деятельность иерархии (в том числе митрополита) по присоединению к Римской церкви. Немногие документы по данному делу говорят, что в описанном конфликте Стефан Зизаний свое непослушание адекватно мотивировал действующими каноническими нормами православной церкви. Непростая каноническая ситуация вокруг его осуждения и скорого оправдания отразила кризис православной иерархии и возрождение канонического благочестия в православной церкви Речи Посполитой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. / под ред. И. И. Григоровича, И. П. Тарнаво-Боричевского, Н. И. Костомарова. Санкт-Петербург: Археографическая Комиссия, Типогр. 2-го отдел. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1846—1853. Т. IV: 1633—1699 / Прот. И. Григорович, И. П. Тарнаво-Боричевский, 1851. 583 с.

2. *Белякова, Е. В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни / науч. ред. серии прот. Николай Балашов / Е. В. Белякова. М. а : Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2004. 663 с.

3. *Грушевський, М. С.* Історія української літератури: в 6 т. / упоряд. В. В. Яременко, Л. М. Копаниця; Л. М. Копаниця О. М. Таланчук, приміт. Л. Ф. Дунаєвської. Приміт. С. К. Росовецького. Перэвид / М. С. Грушевський. Київ. : Либидь, Обереги, 1993—1995. Т. 5. Кн. 2 : Перше відродження (1580—1610) / упоряд. О. В. Дідух; Приміт. С. К. Росовецького. 1995. 352 с.

4. Книга Правил святых апостол, святых Соборов Вселенских и поместных и святых отец. М. : Русскій Хронографъ, 2004. 448 с.

5. *Корзо, М. А.* Украинская и белорусская катехитическая традиция конца XVI—XVII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований / М. А. Корзо. М. : «Канон+», 2007. 671 с.

6. *Лукашова, С. С.* Миряне и Церковь: религиозные братства Киевской Митрополии в конце XVI века / С. С. Лукашова. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2006. 319 с.

7. *Ляўшун, Л. В.* «Светапогляд Стафана Зізанія» // Весці НАН Беларусі. № 4. Сер. гуманіт. навук / Л. В. Ляўшун. Асобны адбітак, 2000. С. 102—109.

8. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского: в 2 т. / Никодим (Милаш), епископ / пер. с серб. / репринт. Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. Т. 1. 649 с.

9. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского: в 2 т. / Никодим (Милаш), епископ / пер. с серб. / репринт. Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. Т. 2. 643 с.

10. Православная Энциклопедия: продолж. изд. / ред. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. М. : ЦНЦ «ПЭ», 2000—2009. Т. 20: Зверин в честь Покрова Пресвятой Богородицы, женский Монастырь — Иверия. С. 117—120.

11. Уния в документах / сост.: В. А. Теплова, З. И. Зуева. Минск : Лучи Софии, 1997. 520 с.

12. *Флоря, Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник / Б. Н. Флоря; ред. Л. В Барбашова. М. : ЦНЦ«ПЭ», 2007. 528 с.

13. *Харлампович, К.* Западнорусские православные школы XVI — начала XVII века: Отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и Церкви / К. Харлампович. Казань : Типо-лит. Ун-та, 1898. 742 с.

14. *Цыпин, Владислав* (протоиерей). Каноническое право / И. Е. Ковынева / Владислав Цыпин (протоиерей). М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. 864 с.

15. *Шустова, Ю. Э.* Документы Львовского Успенского Ставрипигийского братства (1586—1788): Источниковедческое исследование / Ю. Э. Шустова; редкол., отв. ред. Б. Л. Фонкич. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 648 с.

16. *Chodynicki, K.* Kościoł Prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny 1370—1632 / K. Chodynicki / Reprint. Biały Stok : Orthdruk, 2005. 610 s.

17. Monumenta Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis: Diplomata et epistolae Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis ab anno 1518 usque ad annum 1600 / Edidit W. Milkowicz. — eopolis, 1895. 960 s.

РЕЗЮМЕ

В статье исследуется конфликт Стефана Зизания и православной иерархии в контексте подготовки Брестской церковной унии (1696 г.) «руськими» епископами Речи Посполитой. Проанализировав документы указанного периода, автор приходит к выводу, что позиция Стефана Зизания в данном конфликте соответствовала каноническим нормам православной церкви Киевской митрополии.

SUMMARY

In the article the conflict between Stefan Zizanij and orthodox hierarchy is researched in the context of preparation the Brest church union (1596) by «Russian» bishops of Rech Pospolitaja. By analyzing documents of this period the author comes to conclusion that Stefan Zizanij's position in this conflict was accorded to the canonical rules and actual for current occasions of the Kiev Metropolitanate.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2010 г.